

Лев МИРОШНИЧЕНКО

г. Москва

Окружающая ЖИЗНЬ

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Широкий и крепкий, как парус, кленовый лист, желтея и мотаясь на прохладном осеннем ветру, стал задумываться. Он вспомнил весну, когда светло-зелёным пухлым малышом вылез из почки на ослепительный свет. Вспомнил лето, больших мух и бабочек, щекоотавших у него под мышкой, там, где стебелёк листа прикрепляется к ветке, – глупые, они почему-то путали его с цветком и искали там пахучий нектар.

Вспомнил тёплые ливни и ощущение ликующей полноты жизни, с которым он воспринимал бегущие по нему струи воды, грозу и бурю, яростно трепавшую его, и радость, с которой он сопротивлялся буре, зная, что никогда, никогда она не оторвёт его от родной ветки. Вспомнил успокаивающий отблеск на неподвижных темно-зелёных мокрых спинах его братьев-листьев после грозы.

Он рос, ловил лучи солнца, росу и капли дождя, жадно впитывал в себя воздух, напоенный запахами цветущих трав и разомлевшей от тёплой влажной погоды земли. Рос и не задумывался

особенно ни о чем, даже по ночам, когда порывы свежего ветерка не давали заснуть и он, подрёмывая, качался в жёлтых нитях жидкого света от плывущей по тёмно-синему небу луны, иногда пробуждаясь совсем, когда тяжёлая холодная капля росы, свалившись откуда-то сверху, стучала по его поверхности. Мысли не беспокоили, ему было хорошо и по ночам.

Теперь он задумался. Он чувствовал, как сохнет его кожа, сохнут его жилы, становится чужим и пустым омывающий его воздух. Грусти не было, мысли и воспоминания тоже были сухими, как будто нарисованными на сухой поверхности листа.

Он замечал, как один за другим внезапно срывались и исчезали его братья, неузнаваемо ставшие красными, жёлтыми, оранжевыми. Он чувствовал, что стал ненужным материнской ветке и она держала его так, по привычке. Он почувствовал, что и ему ветка больше не нужна.

Он подумал, подумал, вдруг оторвался и с каким-то весёлым чувством отчаяния, стремглав, полетел вниз.

ТЕКСТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ ЖИЗНИ

Листок на ветке тополя – буква. Ветки – слоги. Большой сук с ветками – целое слово.

Сам пышно-зелёный тополь, встряхивающийся от ветра и устремлённый в светло-синее небо, – это длинная фраза.

Весь двор между высокими домами – с тополями, кустами, берёзками, полосами темного асфальта и клочками земли с потоптанной травой, с пробегающими туда-сюда людьми, а также с сидящей на скамейке молодой женщиной возле ярко-пурпурной коляски со спящим младенцем, укутанным в голубое одеяльце, – всё это фрагменты какого-то большого текста, а может быть, и небольшого рассказика, очерка или эссе.

Здесь только кажется, что ничего не происходит и ничего не произошло. Молодая мать, склонившая голову над коляской, скрывает под ресницами слезы, принесённые сюда из дома. Мужчина, только что прошедший мимо неё, может быть, пронёс в своём сердце целую драму. Небритый человек в дальнем углу двора, высматривающий в мусорном баке нечто подходящее для сдачи в утиль, чтобы обменять на какие-нибудь рублики, уже доживает свою длинную драму, потеряв в результате различных скверных обстоятельств фактически всё и став бродягой.

Довершает этот фрагмент рыжая собака с пыльной шкурой, вертящаяся возле бродяги, – у неё тоже были трудные перипетии судьбы, а сейчас она почти счастлива, потому что обрела нового хозяина, пусть и бродягу.

А для мажорной нотки во всем этом фрагменте вот вам, пожалуйста: на длинной, отведённой в сторону ветке берёзы сидит и чирикает во все горло воробей. Услышите его, пожалуйста: грустная мама, тихо сопящий во сне младенец, мрачный с утра бомж и старающаяся угодить ему собака, да и мужчина, прошедший под берёзовой веткой.

Улицы от перекрёстка до перекрёстка – это крупный фрагмент сложного повествования, со своими словами, предложениями и прямой речью. Иногда – непечатной. Движущийся переполненный автобус – рассказ. Длинная четырёхэтажная школа в глубине двора на другой стороне улицы – небольшой роман о дружбе и любви. Кому-то надо написать его, а сначала увидеть.

Под этой простенькой обыденной картиной, с разрозненными на внешний вид участниками и предметами, скрывается, возможно, очень не

простой и захватывающий, полный интереснейшими событиями и даже, может быть, трагический сюжет, связывающий всех тем или иным образом. Кто-то кому-то, возможно, собирается проломить голову, только колеблется с выбором подходящего тяжёлого предмета. А кто-то на ком-то собирается жениться, причём с перспективой свою избранницу лелеять, обожать, а потом и задушить. А почему бы и нет? Шекспир не дремлет и среди нас.

Сотни, тысячи рассказов, романов и пьес остаются ненаписанными.

Но так или иначе отдельный листочек на большом дереве или жёлтый цветочек на траве воспринимаются как буква. Тормозящая у подъезда легковушка – как слово. Она же, с вышедшими из неё толстошеим водителем и двумя пассажирами – старой и молодой женщинами (у молодой – сумочка в руках и ярко крашенные губы), как отдельная фраза.

И ты сам собственной персоной во всевозможном окружении, через которое ты движешься, тоже представляешь собой то какую-то букву, то нужное слово, а то и целое, немаловажное предложение. Или отдельный фрагмент продолжающегося повествования о твоей жизни.

Жизнь всегда интересна. Она полна увлекательными текстами и подчас совершенно не предсказуема в скрытых историях, несмотря на незамысловатый, а порой даже скучный внешний вид. Вглядитесь и попробуйте прочитать.

Или позовите фотографа-рекламщика. Уж он-то сумеет подать эффектно и приманчиво отдельные листочки тополя. А сумочку дамы возле машины или рыжую собаку – это уж точно. Писать роман ему не потребуется.

СКАЧУЩИЙ КОМОЧЕК ОПТИМИЗМА

(размышления над Красной книгой)

Человек, перелистывая красочную Красную книгу, с грустью расстается с капризными райскими птицами, которым не по вкусу пришлись выхлопные газы, с двурогими носорогами и даже с кусачими змеями – обладательницами какого-нибудь уникального смертельного яда. И равнодушно отворачивается от окна, когда спозаранку прилетает на его городской балкон с бесхитростным приветом серенький воробей.

А между тем воробей – удивительное создание!

В нем есть то, чего многим из нас не хватает:

неприхотливость, общительность, неистребимая радость жизни.

Он настолько живуч, что, если, не дай бог, вокруг земного шара пронесется четырежды – вдоль и поперек – бешеный ядерный вихрь, а потом все затихнет и сквозь оседающую копоть и пыль пробьются обожженные лучи солнца, он выскочит из какой-нибудь железобетонной дыры и весело чирикнет, объявляя всему миру: – Жив-жив, чив-чив!

Правда, некому будет объявлять. А воробей так привязан к человеку – чего мы бездушно не замечаем – что он впервые загрузит, когда поймет, что человека на земле больше нет.

А сейчас мы торопливо проходим по асфальтовой дорожке мимо подстриженного куста и равнодушно не слышим радостного щебетания. Воробей специально залез в колючий куст, чтобы приветствовать нас, вымотанных за день работой и длинной дорогой к дому с пересадками. В кусте нет никакой еды, воробью там больше нечего делать, как только приветствовать нас. Но мы этого не ценим, не замечаем.

Мы его не покупали, поэтому он нам не нужен.

Отчего же тогда зовут его домовым, почти домашним? Впрочем, многие об этом просто не знают.

А воробей, как самый выносливый и стойкий спутник, сопровождает нас в опасном путешествии по техническому прогрессу. Пропали бизоны, почти что пропали лошади – чего доброго, пропадут и коровы. Молоко будут делать машины, смешивая синтетический белковый порошок с мелом и водой из-под крана.

Правда, от такого молока прибавится болячек на голове прогрессирующего человека. Но мы надеемся, что в прекрасное будущее пустят и с болячками.

Человек старается сохранить собак и кошек и тащит их за собой в бетонные жилища. Ну может ли сравниться собака с воробьем! Да, собака – образец преданности, никто с этим не спорит. Только преданность ее теперь – это преданность жалкого нахлебника. Когда преданного друга сажали в деревянном дворе на цепь, эта цепь хотя бы олицетворяла высокую миссию, высокий долг. А какая теперь к черту миссия, если после одиннадцати вечера в городских домах нельзя ни лаять, ни выть.

О кошках нечего и говорить – эти делают одолжение человеку тем, что позволяют себя разводить и кормить.

Конечно, всяких там страусов, попугаев, белых

лебедей нужно жалеть и беречь. Воробья не надо ни жалеть, ни беречь – он обойдется, его нужно только понимать.

Воробей никогда не будет обузой человеку – ни карману, ни совести. За его любовь не надо откупаться вышитым собачьим ковриком на полу в лучшем углу прихожей, дозированными выгулами по пятаку городского двора, визитами к дорожному собачьему парикмахеру или доктору, да медалями.

Вот он скачет по блестящему рельсу, вертя во все стороны головой, спрыгивает на рыжие шпалы, выискивает что-то среди камешков гравия, обильно политого машинным маслом. Он вспархивает и как ни в чем не бывало садится на железный борт грузового вагона, только что въехавшего с оглушительным лязгом на станцию. Не найдя ничего интересного, перепрыгивает на толстый провод над путями, набухший от мощного электрического тока.

Он чувствует себя непринужденно среди железа, бетона, стекла, электричества, шума и лязга. Да и родился он где-то здесь, в щели между бетонными плитами, куда заботливая мамаша напихала сухих травинки, воробьиных перьев, клочков бумаги и обрывков разноцветных капроновых ниток.

Воробей не выпрашивает у нас еды, глядя грустно-преданными глазами собаки или лживо-преданными глазами кота, который, насытившись, нагло нас презирает. Кинули крошек – чирикает, не кинули – тоже чирикает.

Воробей с беззаботным видом вертится в своих заботах. У него такой вид, как будто ему все время везет. Он радуется миру, в котором живет, и искренне приглашает человека радоваться вместе с ним.

Он выпрыгивает из колючего куста и скачет перед нами по темно-серой асфальтовой дорожке, почти сливаясь с ней, серенький, незаметный. Вот он вспорхнул и стремительно пронесся мимо, оглушительно чирикнув нам что-то в самое ухо. Он готов сесть нам на шляпу – только быть бы уверенным, что это нам понравится.

А вот он уже на чахлом кусте сирени возле подъезда нашей семнадцатизэтажной хижины. Может, тот воробей, может быть, другой. Мы их не различаем. Нам все равно: есть воробьи или нет.

Напрасно. Мы много теряем и хорошо, если когда-нибудь это поймем. Пожалуй, не мы, а те, кто придет, сверкая пластмассовыми пиджаками, после нас.

Когда не будет коров, собак с их устаревшей преданностью, не будет кошек с их фальшивой лаской, когда от розовых фламинго, соловьев и свиристелей останутся лишь их портреты в подвальных архивах зоологических музеев, когда под напором электронной музыки окончательно исчезнут скрипки и гармошки, когда ощущение нашего довольства и благополучия будет умищаться в двух розовых таблетках: одна – утром перед выходом на работу, другая – перед отходом к синтетическому сну, и когда человеку от всего этого станет по-настоящему тошно, вот тогда человек с неожиданной радостью, может быть, обнаружит, что рядом с ним продолжает жить все тот же, исключительно натуральный и неунывающий серый воробей, верный спутник и искренний друг.

Этот скачущий комочек оптимизма.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

(почти притча)

Пришёл юноша к девушке с тюльпанами в руке. Была весна, солнце весело вливало потоки света в комнату. На столе, у окна, в вазочке распушилась верба.

Спросил смущенно, почти заикаясь: «Скажи мне честно: ты меня... любишь?»

Девушка оторвалась от телефонной трубки и ответила смеясь: «Ну что за чепуха. Какая тут любовь!»

Пришел он второй раз. В руках розы.

Девушка на подоконнике машет кому-то вниз. Теплый ветер, врываясь в распахнутое окно, тербит занавески.

Сказал юноша с надеждой: «Может быть, ты все-таки меня любишь?»

Повернулась девушка, поправила прическу: «Ну что пристал – не люблю!»

В третий раз пришел юноша. Промокший, озяб, за туфлями на полу тянутся мокрые следы. По оконным стеклам бегут струйки осеннего дождя. Беспокойно дергается форточка. Положил на тумбочку в прихожей букет хризантем.

Девушка читала книгу на тахте, поджав под себя ноги. Потихоньку встала и ждет, что скажет юноша.

«Любишь ты меня или нет?»

«Н-не знаю», – медленно произнесла она, пристально на него глядя.

Постоял немного юноша, как бы задумавшись, и ушёл.

И еще раз он вернулся. В руках ничего. Отряхнул с шапки снег, потопал большими меховыми ботинками по полу и молча смотрит на девушку. Она вскочила со стула (что-то писала), мимоходом быстро наклонилась к зеркалу и подошла к юноше. Грустные глаза у девушки. А за двойными оконными рамами ранняя зимняя ночь.

«Любишь?» – твердо спросил юноша, глядя на девушку внимательно, как будто даже с любопытством.

Девушка опустила глаза и тихо промолвила: «Да». И еще раз: «Да».

Ничего не сказал юноша, надел шапку, повернулся, хлопнул дверью и исчез. Когда девушка подняла глаза, она увидела лишь два мокрых пятна, оставшихся от растаявшего снега на том месте, где он стоял.

А следующей весной она вышла замуж за другого, потом родила ему сына. И осталось тайной за семью печатями: была ли она счастлива.

СЛЫШИШЬ, ПТИЧКА ПОЁТ

(эскиз)

Выходной. Воскресенье. Воскреснуть бы к трудовому понедельнику!

Но туда, туда, где дует ветер странствий! Где смеются на солнце сосны. Где сонно лепечет пропахший черёмухой лесной ручей. Где хоть что-нибудь свеженькое дует и пахнет, и лепечет.

Стучат колёса. Потные плечи плотно упакованных пассажиров и пассажирок. Выделяют сок, как в подогретой консервной банке. Потряхивает пол. За окнами мелькают столбы, провода и другие предметы.

Стоп. Наконец-то наша остановка. Вышли.

Дышим. Вдыхаем. Обоняем. Сплошной кислород!

Тебе хорошо, моя милая!

С одной стороны лес, с другой – поле.

Цветы на опушке. Живые цветы. И пахнут как живые. Не обёрточной бумагой и не мылом. Да прекрати ты нюхать, оставь другим.

Пролетел стриж. Прогудела пчела. А может быть, шмель. А может быть, шершень.

Трактор с бочкой на прицепе на краю поля. От бочки воняет химией. Наверно, убойные яды для битвы с губителями трудового урожая.

На сиденье в кабине – тракторист в распахнутой рубашке на голом теле. Повалился картинно на бок и дрыхнет. На полу у тормозной педали пустая бутылка.

«Враги сожгли родную ха-а-ту...»

А вот и ручей. Скорее к нему вниз. В холодную преисподнюю оврага. Здесь так темно, что вода в ручье кажется чёрной. И не пахнет мазутом. Сунули в неё ноги. Как приятно!

Но пора и на припёк. Надо же поджариться. Да просто обязаны. В вагоне пропарились, а теперь поджаримся.

От жаркого солнца подтапливается жир под кожей и подтаивают мозги. Мир нисходит на душу.

Тебе хорошо? Мне – тоже.

В сущности, мы все – люди. Как и те, чьи босые ноги торчат из куста. Не обращай внимания. Видно, пережарились на солнце.

Все мы – люди, но нас слишком много...

Слышишь, птичка поёт. Не знаешь, как её зовут? И я не знаю.

Ах, как жрать хочется! Где наша скатерть-самобранка? Подержи ножик. Нарезь, будь добра, огурец. Только не порежься. Ножик очень острый.

А колбаса ещё не протухла.

Хорошо бы сейчас печёной картошки из костра! В каком далёком она детстве!

Не бросай бумагу на траву. Куда бы засунуть эту пустую коробку?

Теперь покурим. Сначала подышали, а теперь покурим. Накуримся.

Ну, что ты скажешь, моя дорогая!

Впрочем, я заранее знаю, что ты скажешь. Да и ты, увы, знаешь, что мог бы я сказать. А вот не знаешь, что сказать хотел бы.

А поговорить можно. Мало ли о чём.

Поговорили. О многом и фактически – ни о чём. Успели даже о какой-то ерунде неприятно поспорить. Почти поссорились. Настраивались совсем на другое.

Который час? О-го-го!

Прощай, ручей! Прощай, птичка!

Отчего так грустно? Или радостно? К какому из этих лирических состояний нужны поджаренные мозги?

Молчи, молчи, дурочка. Не надо мокрых глаз. Хочешь, я тебя поцелую? Ну, ладно, потом.

Солнце склонилось к горизонту. Сизый дым над верхушками леса. Гулко протарахтел мотоцикл на лесной тропинке.

Трактор исчез, но вонь от него осталась.

...Офелия! Не поиграешь ли ты на этой флейте!

Вошла я девой в дом его, а вышла – бум-бум бум...

Главное, не жалеть о том, чего не было.

Как мало человеку надо! Лишь бы всунуться обратно в эту перегретую железную банку. Втиснуться.

Снова стучат колёса, потряхивает вагон.

Я счастлив. Я счастлив, что я одна из килек, в собственном соку, в этой консервной банке. Что меня притиснули к простенку между окном и углом вагона, а тебя притиснули ко мне, и я ещё могу дышать.

И никто не наступил мне на ноги. Как ты себя чувствуешь? Не слышу! Да ты спишь у меня на плече, моя милая!

Впрочем, за окном уже мелькают звёзды.

Завтра – понедельник, завтра – на работу.

Мы, кажется, немножко ссорились с тобой. Прости меня. Удивительно, что теперь мне хочется говорить тебе только самые приятные слова. Жаль, что ты не слышишь.

Пусть придремлются тебе все ласковые слова, какие я хотел бы тебе от всего сердца высказать.

Надеюсь, что у меня есть сердце.

ПРИЛЕТЕЛ

(история с птичкой)

Молоденький грач летел, летел и прилетел. Он застал всё на месте: чёрные шапки старых гнёзд в вершинах тополей, белые облака, плывущие в переполненном талой водой пруду, седую полосу тумана над потемневшим снегом в низине за плотиной, лай собак и сизые дымы над трубами деревенских изб.

Он так спешил, чтобы в этом убедиться! А теперь удивляется, какие гнали его черти.

Их развесёлое общежитие на верхотуре тополей неприятно молчит. Он обогнал всех сородичей – и старых, и молодых. Чем тут займёшься один? Даже подраться не с кем. Снег только-только уполз в ручьи и овраги. Червяки досматривают зимние сны в холодной земле. Гусениц нет, да и делать им нечего: листьев тоже нет.

Однако с дальней дороги перекусить – ох как! – хочется.

Непонятно, с чего это так заливается песней возле своей хатки на липе чудак-скворец. Или чокнулся, или где-то чего-то спёр.

Запоешь тут, когда в брюхе противная пустота. Не заскулить бы. Пришлось даже наглотаться мелких камешков с подсыхающей дорожки. Легче не стало, камешки пересыпаются с одной стенки пустого желудка на другую, готовые размолоть любую трапезу – только подавай. Поэтому есть ещё больше захотелось.

Попробовал склевать вылезающую почку на ветке тополя: склонул да сплюнул. Вся в клею и

такая пахучая, что дух перехватило. Еле выплюнул, и потом долго пришлось чистить клюв о тополиный сук.

Голова закружилась: то ли с голодухи, то ли от весеннего воздуха, то ли от поднимающегося яркого солнца. Мокрая пашня выпирает из остатков снега жирными боками и дымит на солнце. То-то будет скоро пир!

Однако терпения до пира просто не хватает.

Но вот стукнула дверь избы, и на крыльцо вышла хозяйка в чёрном ватнике, резиновых сапогах и с помятым алюминиевым тазом в руках. В тазу – кучка чего-то влажного, светло-коричневого, посыпанного белым. Интересно!

Она сошла на дощатые мостки и по хлюпающим доскам направилась к сарайчику. Там квохтали куры.

Грач передвинулся по толстому длинному суку дуба поближе к сарайчику и взглянул вниз.

Хозяйка открыла дверцу сарайчика. Оттуда выскочили куры и, бормоча на своём языке, наверное, какую-нибудь ерунду, окружили хозяйку. Некоторые подпрыгивали, пытаясь достать до таза.

Хозяйка сердито прикрикнула на них, наклонилась к деревянному корытцу, перевернула, вытряхнула из него мусор и вывалила в корыто то, что принесла. Куры кинулись к корыту, отталкивая друг друга и вскрикивая.

Что-то показалось хозяйке наверху подозрительным. Она подняла голову, прикрыла глаза ладонью и пыталась разглядеть. Грач прижался и замер на суку. Но солнце сзади грача било с такой силой, что она ничего, конечно, не увидела, опустила голову и медленно пошла домой.

Что такое они там едят?

Грач нервно зашевелился на суку и сделал несколько коротких пробежек туда-сюда над корытцем.

Большинство кур были белые, было несколько пеструшек и одна – чёрная.

Плюхнулся грач на землю, распушился немного для солидности, а также для того, чтобы подравняться размером с курами, и боком-боком двинулся к корытцу. Куры на него – ноль внимания, слишком заняты едой. Грач искал чернушку, чтобы слиться с ней чернотой. Вот она – у конца корытца, и местечко возле неё вроде бы свободное.

Вскочил на борт корыта и клюнул. Осторожно глянул одним глазом налево, другим – направо, а глоток тем временем провалился в живот, и хоть это был не жирный червяк, а всего лишь размо-

ченный сухарь, посыпанный крупой, в животе сразу стало хорошо.

Грач махнул крылом на всякую осторожность и заработал своим длинным крепким клювом с превеликим усердием. И даже видя, как делают это куры, иногда отталкивал боком – не очень нахально, но достаточно настойчиво – свою соседку-чернушку.

Он не заметил, что хозяйка, улыбаясь, глядит на это безобразие с крыльца.

Управились они с этой работой споро и скоро.

Теперь можно потерпеть до пира.

Нет, в гостях, конечно, хорошо, но дома – лучше. Жаль, песни не умеет петь. Но всё-таки забрался на голую вершину и без всякого стеснения стал орать: – Ка-ар-р! Ка-рр! Ка-а-арр!

Может быть, кто-то подумает, что он чем-то недоволен – ну и пусть.

Совсем наоборот: он совершенно счастлив, потому и орёт.

По-другому не умеет.

В ЕДИНОМ ПОРЫВЕ

(городская картинка)

Только что было сыро, туманно, простудно, и вот резко потеплело.

Снег в городских закоулках пропал, рассеялся в теплеющих волнах воздуха. Просохшая земля расслабленно дышит, подставляя щеки (там, где нет асфальта и бетона) осторожному ветру. Пахнет старыми кирпичными развалинами, извёсткой и откупоренным после долгой зимы подвалом.

Двинулась новая жизнь в городском сквере, отгороженном низкой чугунной грязной решёткой от шумного потока машин, мелькающих за оградой.

Ветер шуршит в перепутанной бурой траве остатками засохшей пены, будто выплеснутой после большой стирки.

В колючих голых кустах запутались какие-то нитки и лоскуты. Как будто ночью приходил и чесался здесь большой матерчатый зверь.

Жизнь или не жизнь, или не совсем жизнь – в нынешнем городе бывает определить затруднительно. Некоторые считают, что жизнь там, где хоть что-нибудь шевелится.

Небо над городом стряхнуло с себя большую, чёрную, с синей каймой, тучу. И включилось слепящее солнце.

Закружились, замелькали жёлтые пятна по

земле, по асфальту дорожки, бурьяну, кустам и ограде.

Деревья в дневном полусне тихо качают ветвями с темными узелками набухающих почек.

Грязноватая кучка в песочнице с прошлогодними следами детских ног приглашает попробовать, как сыплется сквозь пальцы подсыхающий песок. Из песка торчит полужасыпанная пластмассовая игрушка. Виден красный глаз и большое круглое чёрное ухо. Че-бу-рашка. Не шевелится.

Возле носа чебурашки лежит окурочок.

На чебурашку выползли две слабенькие тонкие мушки с дрожащими крыльями. Шевелятся. Слабенькая, но и сильная своей настойчивостью жизнь.

У изогнутой чугунной ножки скамейки, на краю лужицы, вспыхнул крохотный зелёный огонёк. Это солнечное пятнышко упало на пробившийся стебелёк, подталкиваемый забродившими соками земли.

Вершину старого тополя деловито обследует ворона, обдумывая план строительства дома. У вороны чопорный вид, вроде бы только что побывала в загсе. Она вцепилась клювом в тонкую ветку и хочет отломить её для гнезда. Заодно испытывает и клюв на прочность.

Конечно, ей грезится, как будут пищать и копошиться в гнезде её детишки.

Подбитый горячими лучами воздушный вихрь рванулся с подогретой подсохшей площадки и подхватил с собой к далёким вершинам тополей большой пластиковый пакет небесно-голубого цвета. Пакет как бы ждал этого.

Он долго порхал между ветками, размахивая крыльями и пристраиваясь от одного сука к другому. Как будто хотел устроить гнездо для собственных плёночных детёнышей. Для миленьких крошек-пакетиков.

Наконец нашёл развилку, ещё выше вороны. Зацепился и замер.

Ворона презрительно даже не взглянула в его сторону, когда он в самозабвенном полёте демонстрировал ей свои голубые крылья – пошире её собственных.

Двинулась новая жизнь. В едином порыве, едином порыве.

КОГДА БЫТЬ ЛУЧШЕ ИДИОТОМ

Для писателя важнее не мысли, а творческое состояние. И пусть он при этом не боится выглядеть законченным идиотом.

Пожалуй, даже лучше ему почувствовать себя талантливым идиотом, с искренней ухмылкой и раскованными речами, чем умником – с засушенными от набранных расчётливых знаний мозгами, из которых можно извлечь всё что угодно, но только не красоту восторженного идиотизма.

ГОРА

Жизнь каждого человека – это растущая гора использованных и используемых предметов, пустяковых случаев, мелких огорчений, банальных и больших бед, раздражённых слов, скрытых и неспрятанных слез. Все перепутано, все гнетёт своим неотвязным видом и давит.

И становится наша жизнь похожей на некрасивую свалку.

Но вот на растущей вершине появляется первый белый снег. И обнаруживается во всем этом сложнейшем, но прикрытом теперь прилично нагромождении неожиданная простота и ясность: вот склон, вот вершина, здесь – подножие, а тут можно бы проложить тропу.

Нужно только вылезть из своей горы и отойти. Отойти от самого себя.

Чем больше обрастает твоя гора всякой всячиной, чем выше она, тем дальше надо отходить, чтобы она не напоминала свалку. Чем дальше отойдёшь, тем больше будешь её понимать и даже любить.

У КРАСОТЫ НЕТ ЦЕНЫ

Красотой по-настоящему можно владеть только одновременно вместе со всеми. Купив какую-нибудь великолепную картину, владелец не может отмахнуться от своей озабоченности, нравится ли она другим. Бывает нередко, что сам он не очень-то понимает её красоту и судит о ценности картины по мнению признанных знатоков. Тогда тем более он фактически владеет лишь рамой, холстом с красками, а не сиянием красоты, которой он может владеть только со всеми, кто способен её воспринимать.

Когда картину художник создаёт для заказчика, он старается, чтобы её красота воздействовала не только на самого заказчика, но и на всех людей.

Красоты самой по себе вообще нет – без воспринимающих её. Это не материальный предмет, а переживание души. И обязательно сопере-

живание с другими людьми, хотя бы мысленное, хотя бы бессознательное. Робинзон, в его вынужденном одиночестве на необитаемом острове, взволновавшись от красоты морского заката, готов был заплакать (и плакал) оттого, что не может разделить эту взволнованность с другими.

Это святое волнение, святое состояние души. Это то, что вложено в человека для отличия его от животного.

Люди, когда они относятся к красоте только как к товару, к забаве, по-настоящему не понимают, что они люди.

У любой красоты, по сути, нет цены, поскольку она принадлежит всем.

Как воздух, как небо, как солнце.

ВБИРАЯ В ДУШУ, ОТДАВАЙ

Истинная радость, которую ты чувствуешь, когда принимаешь что-то важное, что-то ценное в свой ум, в свою душу, таится как раз в том, что ты потом всё это сможешь отдать другим. А отдавая, ты ещё больше обогащаешь свою душу.

Вбирание в душу без отдачи – это кормление ненасытной пустоты, которая осознаётся с запозданием, когда очень многое – и мелкое, и очень ценное, провалилось в неё безвозвратно под видом накопления мудрости.

Не жадничай, отдавай.

МИР НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

(сценка-притча)

По широкому пыльному тракту бредёт нищенка. Может, цыганка какая, а может, из дурдома сбежала. Одним словом, нетрудовой элемент без определённого места жительства.

Тычет она в тёплую пыль кривой палкой, за спиной – полненькая торба. Скорей – рюкзачок. Дело к вечеру, а пристанища пока не видно.

Навстречу шагает здоровенный толстогубий парень – типичный акселерат, нищенка ему – ед-ва до подмышек. Приостановился и говорит:

– Ну что, бабуля, ползёшь как на свои поминки? Гости разойдутся. Гляди, солнце на закате!

А сам внимательно осматривает её с головы до ног.

Нищенка (а может, цыганка – а может, наркоманка), хоть и далеко ещё не бабуля, не обиделась на грубую шутку и отвечает:

– Притомилась я, касатик. Всякий путь для ста-

рых ног не близок. А гости мои подождут. Мои гости – птицы, да ветер, да грибной дождейчик. – И согнулась чутко пониже.

– Красиво треплешься, гражданка, – говорит парень и примечает, что у рюкзачка на её спине горловина немного распустилась. – Дай-ка, матушка, – предлагает он, – я лямку тебе поправлю, что-то она сползла.

Зашёл сзади, поправляет одной рукой лямку, а другой быстренько в рюкзачок лезет. Нащупал на сухарях да на баранках увесистый мешочек с монетами, вытащил и сунул себе за пазуху. Подправил лямку, подтолкнул торбу вверх и сказал:

– Ну, шагай, шагай, роднуля, теперь легче будет!

– Спасибо, спасибо, сынок, – ответила как будто растроганным (а на самом деле сдавленным и злым) голосом путница, – вроде и вправду полегче стало. Дай бог, чтобы и тебе в трудную годину кто-нибудь вот так же помог! Всяко добро добром воздаётся.

На том они и разошлись в разные стороны.

Сделала «роднуля» десяток шагов, посмотрела, как «сынок» исчезает за дальним поворотом, откинула палку, опустила рюкзак и покопалась в нём.

– Ну, молодец, молодец, что засунула под сухари, – пробормотала она негромко. Извлекла из торбы блестящий предмет и приложила под платочек к уху.

– Миш, это я, узнаёшь? Сделай-ка доброе дело. По твоей улице – так через полчаса – пойдёт густой дым из синей куртки. Придётся к нему, ощупай, как куру, и вынь из него мешочек с монетами. Дай ему этим мешочком по балде и пинком под зад. Там рублей на двести. Возьми их себе. Ну, будь. Добрей тебя на свете нет ментов!

По пыльной дороге продолжала свой путь одинокая нищенка.

Москва, 2006

ТЫ – В БЕСКОНЕЧНОСТИ, БЕСКОНЕЧНОСТЬ – В ТЕБЕ

Можно долго смотреть вдаль, расширяясь и углубляясь в неё взглядом. Сначала над овощными грядками за оградой дачи. Потом – поднимая его над верхушками ближнего леса к садящемуся среди затейливых облаков солнцу.

Не торопись убраться на веранду к телевизору, одинаковому для умных и дураков. Всмотрись в глубину мира.

Подними свой просвещённый взгляд к первой

зажѐгшейся звезде на оставленном солнцем бледном небе и подумай (то есть попытайся подумать) о миллиардах других звѐзд, из которых составилась твоя родная галактика. Потом пробегись своей мыслью и воображаемым взглядом по сонмищу из миллиардов других галактик попеременно с черными космическими дырами, глотающими одну за другой эти галактики. Провалились сам в такую дыру и, преобразившись неизвестно во что, улети в неизвестно какую бесконечность...

А когда вернёшься на свою веранду, не торопись зажигать свет и телевизор, сядь перед темнеющим окном и закрой глаза. Теперь, наоборот, пристально взглядишь в какую-нибудь микроскопическую клетку в твоём теле (лучше выбрать клетку мозга) и углубишься в этой клетке в её молекулы (твои родные молекулы). От молекул переберись в атомы (твои атомы), в атомах покатайся на электронах, бешено крутящихся вокруг ядра, спрыгни в ядро и залезь в какой-нибудь протон, а там ещё глубже в первый попавшийся кварк, для которого атом что для звезды – галактика. И лезь все глубже и глубже, проваливаясь в какие-то супермикроскопические черные дыры, о которых ничего неизвестно, но они подозреваются и предполагаются. И вылетишь наконец в гипермикроскопическую бесконечность, которая где-то сливается с громадной макробесконечностью Вселенной.

И это ведь всё – ты, тварь чихающая и дрожащая, после того как она сбегала недавно под морсящим дождём в ближнюю дачную палатку за молоком и батоном хлеба, забыв взять зонтик.

Это есть ты, и можешь выпятить грудь, поскольку понял, что чихающая или нечихающая, но тебя представляющая тварь – это натуральная и неперемнная часть хоть безмерно гигантской и безгранично расширяющейся, хоть и супермикроскопической, безгранично углубляющейся и сужающейся Бесконечности.

Бесконечность непобедима и бессмертна, хотя у неё нет лица, а значит, ты в ней бессмертен и непобедим и не нужно тебе иметь в ней какое-либо лицо. Хотя в любой момент ты, подойдя к зеркалу на веранде, можешь узреть свой натуральный покрасневший нос, свои слегка выпученные от удивления этим открытием глаза и приподнятые довольно лохматые брови.

И это чувство бессмертия доступно всем. Всем-всем? Даже киллеру и дилеру?

Справедливо ли включать в эту компанию киллера и мошенника дилера?

ЛОЖЬ ПОЯВИЛАСЬ, КОГДА ПОЯВИЛИСЬ СЛОВА

Ложь появилась, конечно, когда появились слова. Бессловесная природа не врёт. Не врут жёлтые одуванчики, лягушки, плюхающиеся в зелёную воду болота, сороки, стрекочащие на берёзе при виде приближающегося по лесной тропе охотника. Нельзя сказать, что лгут зайцы, когда они хитро петляют боковыми прыжками свой след, чтобы сбить с него преследователя. Это не обман, это их естественный способ защиты своей жизни. Обманом считает эту уловку безжалостный их преследователь с ружьём. Неправильно назвать обманщиком и крокодила, который притворился мокрым бревном, чтобы сцапать приблизившегося ротозея. Все они хотят пить и есть, спастись от врагов или добыть пищу – они просто живут, каждый по-своему.

Человеку с появлением слов (и откуда они взялись?) стало недостаточно просто жить, говорить и выживать. Ему стало недостаточно просто радоваться жизни, как радуется скворец, свистя и прыгая солнечным апрельским утром на жёрдочке старой скворешни, к которой он вернулся невероятным из трудной и далёкой зимней отлучки.

С помощью слов человек стал строить всякую ложь, обидную, гнусную, гибельную. Слова стали толкать людей к подлости и злым делам. Словами можно убить человека, даже ничем не прикасаясь к нему. Они могут направить целый народ на гибель.

Крокодилы не обманывают крокодилов. У человека обман людей, изощрённая ложь бывает главным смыслом жизни.

Слова могут сотворить добро, но перевешивает ли оно вселенскую ложь?

ПУСТОТА

Пустота бывает очень и очень разнообразной. Она может быть не только огорчающей, но и приятной.

Тут можно вспомнить о тёмной материи в космосе. Что там в ней – до сих пор ничего неизвестно нашим физикам, добирающимся до таких галактик, от которых свет идёт к нам миллиард лет. Она просто абсолютно тёмная. Из тёмной материи состоит половина Вселенной. В неё проваливается нетёмная Вселенная. Получается, в какую-то Абсолютную Пустоту.

А нам плевать на это. Наша, кого-то удручаю-

шая пустота бывает не в космосе, а в душе. Она не абсолютна, она обязательно чем-то заполнена. Бывает она спокойная и нервная, угрюмая и весёлая, непролазная и безмозглая, плотная и продуваемая, глухая и звенящая, волнующая и расслабляющая – и всё это пустота. И мы, уверяю вас, способны наполнить её своими нехитрыми чувствами так, чтобы наша, пустая на внешний вид, жизнь полилась через край.

Попробуйте представить себе всякие варианты, не поленитесь.

И если вы, не дай бог, почувствовали в своей душе пугающую и даже страшную пустоту, напрягитесь должным образом и поверьте, что в какой-то момент она способна восприниматься как облегчающая и даже обещающая. Обещающая радостные, хотя и совершенно неизвестные перемены, которые, может быть, и совершенно невозможны.

Но необязательно добиваться, чтобы пустота стала восхитительной – такое бывает у наркоманов и психов.

* * *

Искали друг друга по кругу. Выпивали. Спорили до хрипоты.

Читали друг другу стихи. Матерились на власть. Смеялись, разряжая чистую молодую силу жизни. Нонконформизм 70-х.

ВКУШАЕТ ЖИЗНЬ С УДОВОЛЬСТВИЕМ ЛОДЫРЬ, А НЕ ТРУЖЕНИК

Лодырь находится в более выгодном положении, чем труженик. Хотя это, конечно, несправедливо.

Типичный лодырь всё видит вокруг себя, всё замечает. Он может без спешки всё обдумать, прикинуть, придумать какую-нибудь хитрость, чтобы и далее поменьше трудиться, и вообще не трудиться, но побольше иметь, нахально используя чей-то труд и заботы.

Он хорошо видит, как течёт вокруг него жизнь, и сам живёт в своё удовольствие. Он имеет достаточно времени, чтобы вкусить это удовольствие. Поэтому он ощущает жизнь.

Труженик фактически не живёт, хотя его жизнь наполнена каким-то важным смыслом и трудом. Жизнь его оправданна. Но ему некогда жить, он не может для получения приятного ощущения от

жизни отвлечься достаточно надолго от своего напряжённого старательного труда.

Труд для него – не игра, как бывает для лодыря, не развлечение. Лодырь, если приходится трудиться, делает это как бы в одолжение другим или своей судьбе. Он исхитряется превратить работу в некую игру под названием «не бей лежачего» или «работа дураков любит».

Труженику некогда замечать приятные детали окружающей жизни, красоту вещей и природы, хотя именно он более способен воспринимать и ценить эту красоту. Ему некогда пользоваться даже собственными честно заработанными добротными вещами для полного удовольствия. Они нужны ему прежде всего как условие для работы.

Труженик настолько втянут в этот заколдованный круг: труда, короткого отдыха для восполнения сил в сопровождении настойчивых мыслей об усложнении и усилении способов работы, и снова труда, что, остановленный внезапно в своей хлопотливой деятельности какой-нибудь причиной, он теряется. Включая и тот случай, когда у него есть достаточно средств для существования и он давно заслужил хороший, длительный отдых.

Остановившись, труженик может начать видеть в подробностях окружающий мир. Он может задуматься не только над смыслом своей работы, но и над смыслом жизни вообще. У него появляется возможность понять других людей и свои отношения с ними. И всё это почти потрясает его. Оказывается, что он даже более чувствителен, чем всё примечающий лодырь. До сих пор он не привык воспринимать всё окружающее так широко, свободно и близко к сердцу, и на него обрушивается растерянность.

Вот бы теперь со всей полнотой и радостью ощутить жизнь – каждый час, каждую минуту, каждого человека, дорогого и интересного ему. Однако всё кончается тем, что в нём развивается щемящее недовольство собой, хотя и трудно сказать, к чему придираться. Он готов бежать от себя, но неизвестно куда, если это не возобновление самозабвенного труда, отнимающего у него возможность ощущения жизни.

И он находит новую работу, в которую может вложить все свои способности, опыт и силы.

Глядя на него со стороны, люди говорят с уважением: «Смотрите, какой полноценной жизнью он живёт! Ему можно позавидовать». Однако знают, что он не живёт, ему некогда жить.

Живёт лодырь, паразитирующий на его само-

забвенном труде и радуясь, какой он хитрый.

Действительно ли настолько хитрый? Действительно ли это жизнь?..

РАДУЙСЯ ТОМУ, ЧТО ЕСТЬ

Не всем даётся простая заповедь: не жди чего-то особенного, но не ясного, а радуйся тому, что есть.

В грязи и мусоре, в развалинах выстраиваемой годами надежды, оказавшейся ложной, всегда найдётся предмет или образ, чей вид хоть чуть-чуть согреет твою душу. А это найденное «чуть-чуть» бывает сегодня ценнее, чем нервно ожидаемое на послезавтра «много-много».

Обрадуйся тому, что мелькнуло неожиданно искренней улыбкой в потоке обрывных вещей и событий текущего дня. Потряси на исходе каждого дня решето своей памяти, и тебе, как золотоискателю, на фоне серого хлама, возможно, улыбнётся золотая крупинка.

Ты живёшь не один, и не можешь жить один. И не можешь уговорить всех вокруг перестать верить лжи и фальши. И нелегко бывает вырваться из бегущей в неизвестно куда толпы.

Но вырвись и не жди, что кто-то выкопает из мусора для тебя золотую крупинку. Найди её сам. И покажи её тому, кто тоже вырвался из толпы.

Жизнь в холщовой палатке на песчаном берегу глухого лесного озера бывает несравненно прекрасней, чем жизнь в новеньком небоскрёбе суеливой и лживой столицы.

НЕ НАДО ЗАСЫХАТЬ ДУШОЙ

Не надо засыхать душой, хотя сухую душу носить легче. И пусть она будет если не пыльным прекрасным цветком, тяжёлым от нектара, то хотя бы сочным раскидистым лопухом, ловящим порывы влажного летнего ветра, свет и запахи колыхающегося вокруг живого мира.

Мы живём не для того, чтобы жизнь было легче переносить. В этом мире никому не живётся нетрудно. А страх перед трудностями, когда его впускают в душу, иссушает её, как ветер из пустыни, перемешанный с колючим песком. С сухой душой трудная жизнь переносится полегче. Но сухость – это и пустота.

Не бойтесь: чем труднее жизнь, тем она полнее, тем она прекраснее – по большому счёту.

Но если уж довелось иссохнуть душой, то пусть

в ней всё-таки сохранится добро – хотя бы в виде чистых, высушенных лекарственных листков. Их можно ещё использовать для целебного настоя.

НУЖНО ЖИТЬ СЕЙЧАС

Нужно жить сейчас. Этот день не повторится.

Все люди, конечно, знают, что каждый миг неповторим, но чрезвычайная важность этой истины доходит до немногих, да и то к концу жизни, когда истекает последний по счёту миг.

Живи сейчас. Будет завтра трава с запахом разгорающегося лета, но другая трава. Будут тёплые другие дожди, и после дождя другая вода будет засыпать в реке под светлым полуночным июньским небом. Но сам ты будешь завтра не ты, а как будто другой человек из другой жизни.

И солнце завтра будет иным, хотя осталось ему светить ещё миллиард лет.

И будут потом другие осень и зима.

А нужно не только понять, но и почувствовать, что чувствуют именно сегодня кузнечики, трещащие в сухой траве, шмели, гудящие усердно и деловито у венчика раскрытого цветка, борясь с кружением головы от их пряного медового запаха. Может быть, и сами цветы чувствуют неповторимость своего сиюминутного счастья в том, что они так дурманят голову красавцу шмелю.

Надо осознать до предела, как ты воспринимаешь всё это именно в данный день и что всё это неповторимо.

Неповторима кошка, греющаяся на солнце на крыше старого сарая. Неповторим пышноголовый молодой клён, в чьих широких резных, шелестящих на сквозняке листьях играют в прятки солнечные лучи. Уж листья-то завтра будут те же самые? Да нет, если осознать яснее, – другие.

Они живут сейчас.

И если ты сегодня не почувствуешь то, что чувствуют цветы и шмели, значит, ты не жил в этот день, как не жил и в другие дни, и нет у тебя живой жизни.

Нужно жить сейчас. Но это совсем не значит, что ты тем самым уже достоин жить в следующем дне. Для этого недостаточно почувствовать себя цветком или шмелём.

Ты человек. Неповторимость обязывает. К чему?

Но это уж совсем другой разговор.

УЛЫБКИ ВСЯКИЕ

Вряд ли вы глупы, если совершенно ясно можете представить пёструю череду возможных в жизни улыбок, как бы перелистывая их прикосновением пальца на экране гаджета в ваших руках.

Ухмылку школьника в ответ на дурацкую шутку в адрес учительки.

Торжествующую улыбку подростка, забившего гол в ворота, означенные двумя положенными на лужайку куртками.

Резиновую улыбку клоуна, растянутую до ушей, когда его щекочут на арене под мышками.

Улыбку приговорённого к казни, если у него хватит на это характера и силы.

Потерянную улыбку старика, наступившего на свои очки.

Смущённую улыбку бывшей проститутки под свадебной фатой.

Можно добавить для красочного разнообразия и улыбку бомжа – с единственным зубом во рту, развёртывающего для немедленного съедения упаковку плавленого сыра, начавшего зеленеть.

Многие интересные улыбки можно не только представить, но и проверить их соответствие по бесчисленным фото, мелькающим в мировой сети:

– улыбку Бен Ладена над его длинной бородой, сидящего с автоматом Калашникова между ног;

– улыбку Путина, отсылающего за справедливостью в российский «независимый суд»;

– почти смущённую улыбку Обамы, сообщающего об уничтожении Бен Ладена американским спецназом, охотившимся за ним десять лет.

Вариантов тыща.

Если не надоело будить своё воображение, то можете присовокупить:

– улыбку Будды;

– улыбку овцы, жующей крепкими зубами сухую полынь;

– улыбку волка, съевшего овцу;

– дьявольскую улыбку Мефистофеля из «Фауста»;

– распахнутую улыбку лесного озера под утренним ясным небом после ночного дождя.

Вряд ли вы глупы.

Лев Дионисович МИРОШНИЧЕНКО

(род. в 1932 г. в семье сельского учителя русского языка и литературы, в Оренбургской обл.).

Российский учёный-эпидемиолог в области наркологии.

Энциклопедист, писатель, поэт.

Литературное творчество представлено книгами:

«Войны России: Обороны и нападения.

Параллельная хронология за 400 лет (1613–2015)» (2016),

«Сгущенье слов. Верлибры» (2017),

«Чем хвастаешь, моя Россия? Верлибры сатирические» (2018),

«Два чуда России - на расстоянии века между ними.

Полемические заметки» (2018),

«Разговор без дураков. Верлибры. Афоризмы. Миниатюры» (2018), а также публикациями верлибров в ряде периодических изданий.

В журнале «Север» публикуется впервые.

